

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. Г. П. Пилипенко
г. Москва, Россия

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УКРАИНСКОГО ГОВОРА БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

Публикация подготовлена в рамках проекта ИСЛ РАН «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы: междисциплинарное исследование», включенного в программу фундаментальных исследований 2018–2020 президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление»

Аннотация: В статье рассматриваются особенности вокализма, консонантизма и некоторые элементы акцентуации украинского говора в Боснии и Герцеговине. Украинский язык функционирует в основном в бытовой, семейной и религиозной сферах, тогда как для коммуникации за пределами общины используется сербохорватский язык. Материал для анализа получен в результате трех экспедиций в местах расселения украинцев. Полевое исследование проводилось в Баня-Луке, Прняворе, Яблане, Трнополе, Поточанах, Хрвачанах, Лишне. Систематизированы основные фонетические характеристики украинской речи информантов. Рассматриваемые черты в области вокализма, консонантизма и акцентных явлений свидетельствуют о принадлежности обследуемого говора к поднегровскому диалекту юго-западной группы наречий украинского языка. Украинцы прибывали на новую территорию из разных диалектных зон, поэтому в новых условиях наблюдается контактирование диалектов. В развитии некоторых особенностей, помимо внутриязыковых тенденций, можно предположить также влияние доминирующего сербохорватского языка. Собранные в полевых условиях данные сопоставляются с описанием украинских диалектов и с материалами Атласа украинского языка. В приложении впервые публикуются образцы диалектных текстов, отражающие основные фонетические черты говора украинцев, проживающих в Боснии и Герцеговине.

Ключевые слова: украинский язык, вокализм, консонантизм, акцентуация, языковые контакты, сербохорватский язык, Босния и Герцеговина, полевое исследование.

Информация об авторе: Глеб Петрович Пилипенко — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский пр., д. 32 А, корп. В, 119991 г. Москва, Россия. E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Дата поступления статьи: 10.07.2018

Дата публикации: 28.06.2019

Для цитирования: Пилипенко Г. П. Фонетическая характеристика украинского говора Боснии и Герцеговины // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52. С. 199–217.

Язык украинцев, проживающих в Боснии и Герцеговине, является уникальным примером функционирования восточнославянского идиома в южнославянском окружении. Отдельные работы, которые затрагивали ситуацию украинцев в регионе, больше посвящены вопросам исторического развития общины, ее идентичности, географической характеристике (см.: [1, 2, 3, 4, 5, 6]). Анализировались также некоторые этнографические особенности, в частности, исполнение песен — *виводи* — во время свадьбы [7]. Из лингвистических работ можно назвать серию статей Т. Я. Токар, как, например, [8], где рассматриваются некоторые фонетические и морфологические особенности говора украинцев. Кроме того, в материалах Атласа украинского языка [9] представлены данные из украинских поселений в соседней Хорватии (Липовляны (Lipovljani) в Западной Славонии) и Сербии (Лачарак (Lačarak)¹, Бачинци (Bačinci) в обл. Срем², Воеводина) (материал собрал в 1966 г. А. П. Коваль), тогда как в качестве пунктов для обследования украинские поселения в Боснии и Герцеговине туда не были включены. Однако именно Босния и Герцеговина являлась центром притяжения украинских мигрантов с конца XIX в., именно там формируются культурные и просветительские организации украинцев бывшей Югославии. В XXI в. украинцам Боснии и Герцеговины не было уделено сколь либо значимого внимания в научной лингвистической литературе (исключением является работа Д. Василичевич об образовании на украинском языке в школах [10]), что оставляет весьма серьезную лакуну на лингвокультурной карте края, поскольку события 1990-х гг. изменили социально-культурный и этнический ландшафт страны.

Большинство мигрантов прибывает на территорию Боснии и Герцеговины из Галичины, оба региона в то время входили в состав Австро-Венгрии. Правительство империи поощряло переселение крестьян в Боснию, которая была оккупирована в 1878 г. и откуда наблюдался исход мусульманского населения. Для заселения привлекались также колонисты со всей империи: чехи, словаки, венгры, итальянцы, немцы, поляки. В результате в отдельных районах Боснии сложились многонациональные общности, состоящие как из коренного населения — православных, католиков и мусульман — так и из вновь прибывших мигрантов. Украинцы компактно расселились на севере страны: от Приедора до Дервенты (большая часть — в окрестностях Прнявора, Баня-Луки и Приедора), во многих селах были основаны греко-католические церкви, а с. Деветина стало местом паломничества украинцев, проживающих на территории стран бывшей Югославии. Украинцы проживали бок о бок как с местным населением (напр. в Лишне, Трнополе преобладало мусульманское население), так и с колонистами других национальностей (чаще всего — вместе с поляками, прибывшими также из Галичины, например, в Деветине³), распространенное название для украинцев среди южнославянских народов — *Galicijani*. Комплексное лингвистическое изучение украинской общины Боснии и Герцеговины началось в ноябре 2014 г., когда была проведена первая экспедиция в с. Лишня и г. Прнявор; в экспедиции приняли участие сотрудники Сербской академии наук и искусств др. Биляна Сикимич и Драгана Василичевич⁴. В августе 2016 г.

¹ В Атласе украинского языка название этого села — Лацарак.

² Если в Лачараке украинцев больше, чем русинов, то в Бачинцах русины численно преобладают над украинцами. К сожалению, в атласе нет информации, с какими группами работал собиратель и от кого записаны данные, были ли это именно русины или украинцы.

³ По договору между Югославией и Польшей большая часть поляков выехала на постоянное место жительства в 1946 г. в г. Болеславец.

⁴ Все три экспедиции проводились в рамках проекта по сохранению нематериального культурного наследия Республики Сербской (рук. др. Е. Пандуревич, философский факультет университета Баня-Луки). Выражаю благодарность Институту балканистики Сербской академии наук и искусств за предоставленные материалы экспедиции 2014 г.

автору данной статьи удалось провести социолингвистические и этнолингвистические интервью с украинцами в Баня-Луке (Banja Luka), Яблане (Jablan), Прняворе (Prnjavor), Трнополе (Trnopolje)⁵, а в августе 2017 г. исследование было продолжено в селах Хрвачани (Hrvačani) и Поточани (Potočani). Информантами являлись по большей части представители греко-католической конфессии, меньшая часть интервью записана с православными украинцами⁶. Объем записанного материала составляет около пятидесяти часов, работа проводилась с тридцатью собеседниками, большинство из них — люди пожилого возраста, которые лучше всего сохраняют местный украинский говор и традиционную культуру. Из разговоров с информантами становится ясно, что большая часть их предков переселилась на территорию Боснии и Герцеговины из окрестностей города Бучач, находящегося на территории современной Тернопольской обл. Украины. Во время проведения наших экспедиций мы записали сведения, что мигрировали не только из указанной области, но также из Карпатского региона, в частности из окрестностей городов Турка во Львовской обл. (другие населенные пункты на территории распространения карпатских диалектов приводит Т. Мишлицки [5, с. 135–136]). Однако информанты не могли назвать место исходной миграции, поскольку старые документы утеряны, а память об этом в семье не сохранилась⁷. Т. Я. Токар также упоминает, что среди переселенцев были, в частности, носители южноволыньских говоров [8, с. 731]. Приведем высказывания собеседников на эту тему:

[1] *Túrka | péréšuj ýórot Túrka | a | kolýs' seló Lókos' | tepér seló Lókos' na ýroný-ýranýc'i | a bójky vy-y | i lémký-y | vydiýnály | sórok vós'moyo róku⁸ | i voný p'ishly na Horsóns'ku óblas't' des' | i oný | do-do | dr- drúy'ij s'v'itój vojny | jšly s'udá tudá | i tak stálos'⁹ (J); (Турка, первый город Турка, а когда-то село Локось, теперь село Локось на границе, а бойков и лемков прогнали в сорок восьмом году и они пошли в Херсонскую область куда-то, и до второй мировой войны они ходили туда-сюда, и так случилось).*

[2] *A mi pričamo | ono starinsko što bi rekli bojkówsky lemkéwsky (Pr); (А мы говорим по-старому, что называли бы по-бойковски, по-лемковски).*

[3] *G. A ne kazály zv'ítky z Ukrajiný pryjšlý? P. Znála ja alé | to-o | ja sam zabúla <...> woný bulý sus'ídy | ta jak z jiyó d'ídom i bábom i táko | voný | to vs'o pryjšló zv'ítam z Ukrajiný (Hr) (Г. А не говорили, откуда пришли с Украины? П. Я знала, но я забыла <...>*

⁵ См. более подробно о результатах экспедиции: [11; 12].

⁶ По причине их малочисленности на сегодняшний день только 10–12 семей являются прихожанами православной церкви в с. Хрвачани.

⁷ Исключительно карпатские диалектные фонетические признаки в собранном материале нам выявить не удалось, многие фонетические изоглоссы характерны как для карпатской зоны, так и для поднестровского диалекта. Некоторые «карпатизмы» есть в морфологии (например, использование частицы *maj* для сравнительной степени), но они в процентном отношении немногочисленны и являются скорее исключением. Тем не менее в той же работе Т. Мишлицки мы находим данные, что среди переселенцев были также выходцы из современной Закарпатской области Украины (район Тячева и Ужгорода) [9, с. 135]. Однако, учитывая то, что все украинцы известны для окружающих под именем *галичане* (а выходцев из Закарпатья отнести к этой группе вряд ли можно), следует предположить ассимиляцию закарпатских (и возможно буковинских?) говоров в доминирующих галицких диалектах. Тем не менее удалось выяснить, что информантам знакомо слово *гуцул*, точное значение которого они привести затруднялись.

⁸ Информант в первом примере упоминает переселение лемков на территории Украины из западных областей на юг.

⁹ Все тексты, примеры, записанные в экспедициях, приводятся в фонетической транскрипции на основе латиницы (расшифровка — Г. П. Пилипенко). В скобках после примера дается населенный пункт: Вl — Баня-Лука, Hr — Хрвачани, J — Яблан, L — Лишня, Pr — Прнявор. Если рядом нет такой отсылки, это означает, что пример записан в вышеуказанном предыдущем населенном пункте.

они были соседи, как с его дедом и бабкой и так, они, это все пришло оттуда с Украины).

[4] *My s Ternop'íl'sčyny | Búčač m'ísto | a seló tójvo | Porohóva | znáju to šo znáju | a móže by-m bayáto bayáto | ne týl'ky ja | my | s háty | no | d'íty | moylý naučýty b'íl'se* (Pr). (Мы с Тернопольской области, Бучач город, а село Порохова, я знаю то, что знаю, а может быть много-много, не только я, мы из дома, дети, могли выучить больше).

Установление генетической принадлежности говора украинцев Боснии возможно как по свидетельствам самих информантов относительно исходных мест миграции их предков, так и на основе анализа их речи. Район Бучача, согласно данным Атласа украинского языка, располагается на территории распространения поднестровского диалекта галицко-буковинской подгруппы юго-западного наречия украинского языка. Говоры лемков и бойков, которые упоминаются во втором примере, относятся уже к карпатским говорам юго-западного наречия. Понятно, что на протяжении более чем ста лет функционирования карпатских говоров в отрыве от основной территории их распространения, они не могли сохраниться в чистом виде, тем более в условиях явного доминирования носителей поднестровского диалекта, не говоря уже о влиянии местных говоров штокавского наречия, на котором говорят бошняки, сербы и хорваты¹⁰. В результате междиалектного контактного взаимодействия особенно в ситуации анклавного существования происходит нивелирование определенных языковых черт. Ниже будут рассмотрены основные фонетические особенности речи информантов.

Вокализм

1.1. В области вокализма выделим следующие явления. Одной из наиболее характерных черт практически всех говоров украинского языка юго-западной группы — изменение артикуляции при произношении звуков *e* и *y* как в ударной, так и в безударной позиции¹¹ (ср. также ситуацию в украинских говорах на территории Румынии [14, с. 27–20]). Под ударением *y* имеет сниженную артикуляцию и произносится как звук, склонный к *e*, либо как *e*: *woyerké | u nas óvočy* (Hr) ‘огурцы у нас овощи’; *léšy s'í | móže i c'ilyj r'ik* (J) ‘останется, может и на целый год’; *vylyka myska s pšenýčkow* (Pr) ‘большая миска с пшеницей’; *tróška vy'pylye* ‘немного выпили’; *komús' šos' zrobytye* ‘кому-то что-то сделать’; *partizány ih zarobylye* ‘партизаны их взяли в плен’; *i déveš s'í | sónce tak potr'ipuje* (Hr) ‘и ты смотришь, солнце так колыхнется’. В безударной позиции наблюдается сближение артикуляции *e* и *y*, что приводит часто к их смешению: *za pomérlyh zvečájnyh l'uděj* (L) ‘для умерших обычных людей’; *bud' jak'í | e | prečýny* ‘любые, э, причины’; *prejihalý s'udá z Ukrajíny* ‘приехали сюда с Украины’.

¹⁰ В дальнейшем в статье для обозначения языка бошняков, сербов и хорватов, ввиду сложных этнокультурных обстоятельств и смешанного характера расселения его носителей в рассматриваемой зоне, используется наименование сербохорватский, в том смысле, в каком его используют А. Кречмер и Г. Невекловский — это не только язык в период его общепризнанного единства, но и вся совокупность идиомов, связанных с ним отношениями преемственности [13, с. 152].

¹¹ Эту особенность подмечают боснийские украинцы, когда сталкиваются с литературным украинским языком (в школе или в церкви): им бывает трудно определить правильность употребления букв *u* или *e*. Приведем высказывание информанта: *tak šo ja tut tróška | nawčýla s'í pysáty | ukrajínski | i čytáty i tepér znáju pysáty a tróška múšu podúmaty | če e čy i | čy y* (Pr) ‘так что я тут немного научилась писать по-украински, и читать, и теперь умею писать, а немного должна подумать, или *e* или *y*’. Подобное смешение находит отражение на письме, в частности, на надгробных памятниках нами зафиксированы в с. Хрвачани следующие надписи: *Tut spocivajúť rab božej* ‘Тут покоится раб божий’; *Пам'ятник піднесле* ‘Памятник поставили’; *П. П. доньке і онуке* ‘П[амятник] п[оставили] дочери и внуки’. (возможно, у существительных женского рода в мн.ч. также может сказываться влияние окончаний сербохорватского языка *-e*).

Стоит отметить, что в идиолекте даже одного информанта набор вариаций произношения *e* и *y* в ударной и безударной позициях может меняться. Кроме того, у информантов из с. Хрвачани нам встретилось произношение безударного *e* в слове *velykyj* как *a*, либо как *e*, склонного к *a*, т. е. фиксируется перемещение артикуляции вниз: *valýka častyňa l'uděj* (Hr) 'большая часть людей'; *búlo ve^alýke [s'v'áto]* 'был большой [праздник]'; *róby s'i | valýkyj hl'ip* 'делают большой хлеб'. Похожий звук встретился нам под ударением и в форме родительного падежа порядкового числительного *седьмой*: *sé^amojo jánwara* 'седьмого января'

1.2. Отмечается переход *a* после мягких согласных в *e*, *i* (в том числе под ударением). По происхождению *a* может быть как из **ę*, так и из **a* и присутствовать как в корне слова, так и в глагольных суффиксах и флексиях. Приведем примеры: *vnuky pryhód'et | kotr'í tútkaj* (Hr) 'внуки приходят, которые здесь'; *vyrobl'ély s t'ísta | ptáhy* 'делали из теста птиц'; *tróha rozyan'éty hmáry* 'немного разогнать тучи'; *bóyu d'ékuvaty!* 'благодарить бога'; *γospódar wz'éw to s'večéne jáječko* (Pr) 'господин взял это освященное яйцо'; *za s'v'éta pásku* (Hr) 'на праздники пасху [делали]'; *to tak | na pá^m'it zrobyly* (J) 'это так, на память сделали'; *mn'iso n'í pekly wže* (Hr) 'мясо не запекали уже'; *my to s'v'itkuvaly* 'мы это праздновали'; *na š'is't'a* (J) 'на счастье'. В формах числительных 20 и 30 на месте *a* находим *i*: *dvác'it' k'il'ómetr'iw zv'icy* (L) 'двадцать километров отсюда'; *tryc'it' rók'iw* (Pr) 'тридцать лет'¹². Числительное *пять* имеет в корне *i/e*: *p'it'* 'пять'; *des' do sórok | e | p'jétojo róku* (J) 'где-то до сорок, э, пятого года'.

Что касается начальных сочетаний *j+a*, то могут быть следующие варианты: *jéjc'i s'i b'il'se varút* (Hr) 'яйца больше варят'; *jikés'z'il'a* (L) 'какие-то травы'; *bo v'in interesúje jézek* (Hr) 'потому что его интересует язык'. В местных топонимах отмечен переход *a > e* после *j* в середине слова: *u Dyvjétyⁿ'i* 'в Деветине'¹³. Интересно обратить внимание на слово *jézek*, форма которого, возможно, поддерживается аналогичным существительным в сербохорватском языке *jezik*. По данным Атласа украинского языка во всех трех пунктах на территории Югославии присутствуют примеры *уз'аў* и *д'екувати*, а в Бачинцах и Лачараке они используются наряду с *уз'eў* и *д'екувати* [9, карта № 41], при этом фиксируются только формы *даў* [9, карта № 50] {в отличие от нашего корпуса, где они употребляются параллельно с лабиализованными (см. 1.3.)}.

1.3. В глагольных формах прошедшего времени мужского рода был зафиксирован переход *a* в *o*, *u* либо в звук типа *ə* (также под ударением): *tu trymúw paráfiju* (Hr) 'здесь держал приход'; *pa sam pokazúw tu kártu* 'и я показал ту карту'; *v'in to napysáw | slábo to hto čytáje* 'он это написал, мало это кто читает'; *maw tróhe takwó borodý* 'у него было немного вот так бороды'; *odén γospódar mow bayáto d'itéj* (Pr) 'у одного хозяина было много детей'; *i toj kólač stojów na stol'í c'ili s'v'játa* (L) 'и этот хлеб стоял на столе все праздники' (ср. в северном поднестровском говоре на территории Львовской обл., а также в районе Теробовельщины в Тернопольской обл. — лабиализованное произношение *a* в сочетании *aў* — *доў, нуцоў* [15, с. 4; 16, с. 151]).

1.4. Для обследуемых говоров характерно уканье, которое может быть непоследовательным в речи даже одного информанта. Наблюдается т.н. «сильное» уканье перед слогами, не содержащими *u* или *i*: *rokámy ne hody^ely^e v'it tóji v'ijn^e pus'v'idnoji* (L) 'годами не ходили с этой последней войны'; *tam tróška šos'pus'ijaly | jakóγos'žy^eta ču pšenýc'í* 'там немного что-то посеяли, какой-то ржи или пшеницы'; *pustávemo γólovu c'ilú* (J) 'поставим голову целую'; *de žínka ukrajínka | te s'i to γuwór'at || a kólo méne*

¹² Есть также формы этих числительных с *j* вместо *d*: *dvaje'it'*, *tryje'it'*.

¹³ Исходная форма в украинском — *Dev'játyna*, серб.-хорв. *Devetina*.

búla žýnka | sérpka | i my ne govoryly ‘где жена украинка, те говорят, а у меня была жена сербка, и мы не говорили’; *tak jak kulýs’ i smo rubýly | tak i tepérkaj róbymo* (Hr) ‘так как когда-то мы делали, так и теперь делаем’. Кроме того уканию подвержена форма местоимения *šo* — *šu*: *tak šu voný | ht’ily znáty* ‘так что он хотели знать’.

1.5. Рефлекс **ě* в целом стабилен и реализуется в виде *i* как под ударением, так и в безударной позиции: *v’is’im l’it jak skaž’im* (Hr) ‘восемь лет, как, скажем’; *i s’ino i solóma* (L) ‘и сено и солома’; *ob’id i večéra* ‘обед и ужин’; *to wže je | ja v’iru* (Hr) ‘это уже есть, я верю’; *dva m’is’ac’i* ‘два месяца’; *i s’p’ivájet jak to hódet* ‘и поет, как ходит’; *bo malén’k’i ny s’’m’ijút samé* ‘потому что маленькие не могут одни’. Тем не менее нами отмечены отступления от этой закономерности в некоторых примерах: *ja buw p’jit’ l’et na vójn’i* ‘я был пять лет на войне’; *vy’nkyé* ‘венки’; *my ny mály rék’iw valýk’ih* ‘у нас не было больших рек’. Случаи возникновения *e* и *y* в качестве рефлекса **ě* немногочисленны. Интерпретация последнего примера как контаминация с близкородственным сербохорватским словом скорее всего невозможна, поскольку рефлекс **ě* в окружающих штокавских говорах (и)екавский/икавский¹⁴.

1.6. Что касается звуков *ы* и *ü*, известных карпатским говорам (напр. в словах *kyn’, byla, kün’, stül, бүк*), то нами не было зафиксировано подобных примеров, хотя, как отмечалось выше, некоторые информанты говорили о происхождении из лемков и бойков. Единственным похожим случаем может являться произношение заимствованного топонима Бая-Лука (серб.-хорв. *Banja Luka*), столицы Республики Сербской: на месте *u* мы часто отмечали дифтонгическое произношение *Ban’a lü’ka / Ban’a ly’ka / u Ban’a ly’c’i*. (Hr/J/L). По всей видимости, если и были компактные группы носителей карпатских говоров, сейчас они уже перемешаны с преобладающими носителями поднеэтровских говоров, не говоря уже о смешении с местным населением.

Консонантизм

2.1. В области консонантизма нами были зафиксированы следующие явления, характерные для говоров зоны исхода украинской миграции. Наблюдается переход мягких зубных *d’* и *t’* в мягкие заднеязычные *g’* и *k’* соответственно: *d’ > g’* — *ostátn’a neg’il’a* ‘последнее воскресенье’; *švy’ťše z’ibráty g’itéj* (Hr) ‘быстрее собрать детей’; *skaž’im | m’ij g’ido | e | selo P’idyájc’i* ‘скажем, мой дед, э, [родился] село Пидгайцы’; *značýt | okrémo g’idus’i | bapc’i* ‘значит, отдельно дедушки, бабушки’; *v’in tepér s’’i v’idg’il’uje* ‘он теперь отделяется’; *toj korováj s’i rozg’il’uje* ‘этот каравай разделяют’; *zaléžno jak g’iwčáta mály* ‘зависит от того, как было у девушек’; *bo tu moyló s’i odén syg’ít* (Pr) ‘потому что мог и один сидеть’; *t’ > k’* — *ce jakés’ k’ísto* (Hr) ‘это какое-то тесто’; *alé to dúže k’ěško toj lyst pryhódyw* ‘но очень тяжело это письмо приходило’; *bo k’išk’é* ‘потому что тяжело’; *tóto k’ěško yul’áty* ‘это тяжело танцевать’. В приведенных примерах переход в мягкие заднеязычные осуществляется либо в начале, либо в середине слова (в том числе в глаголах после приставки с финальным *-d*), случаев переход на конце слова нам не встретилось (ср. [14, с. 28]). Отметим также, что в речи собеседников эти слова могут конкурировать с их аналогами, содержащими *d’* и *t’*. В украинских говорах Хорватии и Сербии почему-то это явление не было отмечено (приводятся примеры *t’ajsko* [9, карта № 88], *đ’id* [9, карта №89]), хотя в нашем корпусе оно довольно часто встречается.

¹⁴ Хотя среди наших информантов в Боснии и Герцеговине были те, кто родился в Воеводине, а также те, кто в настоящее время там проживает и, соответственно, у кого в сербском языке рефлекс **ě* экавский, данный пример записан он собеседника, прожившего всю жизнь в своем родном селе на территории Боснии и Герцеговины.

2.2. Мягкие переднеязычные *s'*, *z'*, *c'* имеют большую степень палатализации и напоминают по звучанию соответствующие польские [15, с. 5] мягкие *ś*, *ź*, *ć*; говор приобретает оттенок «шипящего» [14, с. 33]. Это явление характерно для всех информантов: *c' > c''* — *moloty^ety^e c''ipom* (Pr) 'молотили цепом'; *v'it c''v'it'iw* 'из цветов'; *sámo búly ukrajinc''iv dósta* (Hr) 'только было достаточно украинцев'; *p'isn'i hólupc''i z yréčkoju* 'постные голубцы с гречкой'; *z' > z''* — *r'ízne z''il'a* (L) 'разные травы'; *vóz''meš takó* (Hr) 'возьмешь так'; *tu nurmál'no je riz''n'ýc'a* 'здесь, нормально, есть разницы'; *s' > s''* — *p'ís''l'a tóyo* (L) 'после этого'; *tudý s''v'ity s'i s''v'ička* 'тогда зажигают свечку'; *to róbymo dékoly u p'ját'nyu''u* 'мы делает это иногда и в пятницу'; *a kolýs''s''i s''p'iválo* 'а когда-то пели'; *toj šo robýw vis''il'a* 'тот, кто делал свадьбу'; *ti šo idút zas''iváty* 'те, кто идут посеять'; *voná зробýla jakís''solén'i* 'она сделала какие-то соленые'; *na zeléni s''v'áta* (Hr) 'на Троицу'. В некоторых случаях сильно палатализованные переднеязычные затрагивают и соседние согласные, которые приобретают большую степень мягкости, напр.: *hós''t''i dučýkujemo* 'гостей встречаем'; *šob vam ščás''t''a plylo* (L) 'чтобы вам счастье плыло'; *joyó hós''t''i i rázom to zrób'jat* 'его гости и вместе это сделают'. В приведенном примере под воздействием *s''t* приобретает оттенок смягченной аффрикаты (ср. подобное явление в закарпатских говорах в румынском Банате [14, с. 33]).

2.3. Особенностью говора информантов, чаще всего пожилых людей, является наличие альвеолярного *l* (которое иногда называют «буковинско-полтавским» [16, с. 153]): *mulukó* (L) 'молоко', *molýty s'i* 'молиться', *Ly^ešn'a* 'Лишняя', *búla* (Hr) 'была', *bulý* 'были', *pryjšlá* 'пришла', *hodýla-m* 'я ходила', *yalunký* 'крашеные яйца на Пасху', *kulýs'* (Pr) 'когда-то', *velýkuj* 'большой' и т. д.

2.4. Развивается протетический *w* (*v*) в таких примерах: *znály šo tréba wosený woráty* (L) 'знали, что осенью нужно пахать'; *bába tyh wor'ih'iw nakýdala tam* 'бабушка тех орехов накидала там'; *wodnú oženyw s'i* 'он женился на одной'; *zosýpalo s''i sklo u vóko* (L) 'попало стекло в глаз'; *fáj'n'i hrušký poišút | wor'ithe* (Hr) 'поищут хорошие груши, орехи'; *čysnyk | woerky^e | fs'o!* 'чеснок, огурцы, все!' (L). Кроме того наблюдается развитие протетического *w* в местных топонимах: *pryhódyla z Worásiw* 'приходила из Орашья'; *woný išly z Wuráše* (Hr) 'они шли из Орашья' (Орашье (серб.-хорв. Orašje) — село около Лишни в общине Приявор) (L). Примеров с протетическим *γ* отмечено не было. Формы с *worati* отмечены в Лачараке [9, карта № 124], примеры с протетическим *v* в слове *ogipok* не были записаны во всех трех пунктах на территории бывшей Югославии [9, № 126], хотя наш материал дает другую картину.

2.5. В группах согласных *m+j* происходит замена *j* на *n*, в некоторых случаях после группы *mn* появляется *j*: *do tóyo mn'ása* (L) 'к этому мясу'; *pomn'atáju* 'я помню'; *mn'iso n'i pekly* (Hr) 'мясо не запекали'; *jemú peremen'ály imn'a* 'ему поменяли имя'; *molýtva i v'ičnaja pámn'jat* (Pr) 'молитва и вечная память'; *šóby mn'jásó ne propálo* (L) 'чтобы мясо не пропало'; *te to b zapamn'atála* (Pr) 'я бы это запомнила' (ср. в Липовлянах *памн'ат*, *памн'im*, *мн'асо*, *мн'есо*; в Бачинцах — *памйат*, в Лачараке — *пам'im*, *пам'em* [9, карта № 76]). Как видно из наших примеров, после мягкого *n* может появляться *j*. Однако есть формы и без *n*: *m'jéso postávyty* (J) 'мясо поставить'; *im'já dajút* (Bl) 'имя дают'; *svyn'éča yolová | m'jéso* (Hr) 'свиная голова, мясо'.

2.6. В группе согласных *b+l'* и *m+l'* происходит выпадение *l'*, а предшествующий губной может как смягчаться, так и оставаться твердым: *woný to l'úbjet | e-e | évo | i vuný rób'jat* (Hr) 'они это любят, э, э, вот, и они делают'; *i rázom to zróbjat* 'и вместе это сделают'; *zvučájno rób'jat v'id baraból'i* 'обычно делают из картофеля'; *normál'no rób'jat iz síru* 'нормально делают из творога'; *kupújut vnohrád z Makedóniji i rób'jat vynó*

(J) ‘они покупают виноград в Македонии и делают вино’; *vže nemá tyh šo róbjat polotno* (Hr) ‘уже нет тех, кто делает полотно’; *zem’já judéjska* ‘земля иудейская’.

2.7. В говоре информантов группы *v+j* соответствует сочетание *w+l*. Подобные примеры в нашем корпусе немногочисленны: *na štás’i”a na zdorówl’a* (L) ‘на счастье, на здоровье’ (ср. тоже в Липовлянах и Бачинцах [9, карта № 74]); *derewl’án’i f’iry* ‘деревянные повозки’.

2.8. Довольно часто фрикативный *ɣ* в речи информантов заменяется на заднеязычный *h*: *to výh’idn’iše bayáto* (Pr) ‘это гораздо выгоднее’; *jak hul’ály* (L) ‘как танцевали’; *joyó hós’i”i* ‘его гости’; *právdu ja hovóru* (Hr) ‘правду я говорю’. Можно было бы предположить, что *ɣ* утрачивается под влиянием знания сербского языка, в котором этот звук отсутствует и происходит замена на общий инвариант *h*¹⁵. Однако в приведенных примерах мы видим, что рядом используются слова, содержащие *ɣ*, и где замена не происходит. Скорее всего речь идет о ситуативном ослаблении артикуляции. Подобные примеры зафиксированы у большинства информантов.

2.9. В суффиксах *-sk-* и *-ck-* *s* и *c*, а также конечное *-c* часто произносятся без смягчения, что является характеристикой говоров исходной зоны миграции [15, с. 5; 16, с. 154]: *-sk-*: *po sérpsk’i* (Hr) ‘по-сербски’; *jak čýsti ukrajínski séla* ‘как чистые украинские села’; *to ukrajínskyj svýntar* (Pr) ‘это украинское кладбище’; *mólot’ sérpsk’i b’ílše* (Hr) ‘молодежь по-сербски больше’; *buw u vójsku | služýw slúžbu* (L) ‘был в армии, служил’; *po ukrájinisk’i* ‘по-украински’; *-ck-*: *to turécka da | to znáčy | sámó káva vóda* (J) ‘это турецкий, да, это значит, только кофе и вода’; *tam ne znáju | n’iméckoyo awstr’íjskoyo i tak dál’i* (Hr) ‘там не знаю, немецкого, австрийского и так далее’; *u kul’úrno-mystéckyh továrystvah* ‘в культурно-художественных обществах’; *móže to náv’it’i turécki* ‘может быть это даже и турецкий’; *ti častýn’i | e | do n’iméckoji* ‘эти части, э, к немецкой’; *-c*: *dok otéc ne prýjde* (J) ‘пока отец не придет’; *smálec* ‘смалец’; *cúkru | molóka jajéc* ‘сахара, молока, яиц’; *tam de bát’ko ukrájinec* ‘там, где отец украинец’; *tánc tancúje toj hto hóče tanc’uváty* ‘танец танцует тот, кто хочет танцевать’; *bo pérec to s’i kupúje* ‘потому что перец покупают’. Твердое произношение *-c* отмечено в Липовлянах и Бачинцах — *хлопец* [9, карта № 98].

Как и в предыдущих случаях, эти примеры могут быть параллельно использованы с примерами, где *s* и *c* смягчаются: *pérec’* (Bl) ‘перец’, *sérps’ka móva* (Pr) ‘сербский язык’, *otéc’* (L) ‘отец’. Помимо собственно внутриязыковых причин отсутствия смягчения, присутствующих в исходном диалекте переселенцев, нельзя исключить и контактно-обусловленное их развитие или хотя бы поддержку, особенно в случае с суффиксом *-sk-*. В идентичных лексемах не вполне понятно, на что ориентируется говорящий, на сербский или украинский язык: ср. серб. *ukrajinski* — укр. *ukrajinski*; серб-хорв. *u vojsku* — укр. *u v’ijs’ku* (в некоторых пунктах Галичины отмечаются формы этого слова с корневым *o* — *войско* [9, карта № 102]). Весьма вероятно, что здесь устанавливается некоторый параллелизм форм и фонетических правил. То же самое можно сказать и о случаях с конечным *-c*, который в сербском всегда твердый: серб. *ukrajinas* — укр. *ukrajinec*⁽¹⁾.

2.10. Что касается собственно смягчения согласных, их палатализации, то она имеет особенности. В юго-западных диалектах украинского языка фиксируются случаи т.н. полумягкости губных *б, п, в, м, ф* перед *i* [14, с. 31]. В корпусе наших текстов мы отметили, что перед *i* не только губные согласные не палатализуются, но это касается

¹⁵ Подобная замена отражается и в передаче украинских фамилий в сербском языке (находим на письме *H* в латинице и *X* в кириллице): *Hnatjuk* (Хнатјук), *Havreljuk* (Хаврельук).

и других консонантов. Причем речь идет не столько о полумягкости, сколько об отсутствии какого-либо смягчения. Приведем примеры: *ti sv'áta* (Hr) 'эти праздники'; *pótím my mály* (J) 'потом у нас были'; *hrystós si roždáje* (Hr) 'Христос рождается'; *na čotyrnac'atogo s'fjec'a* 'на четырнадцатое января сеют'; *n'yn'kaden' čúju u n'osi toj smak* (Pr) 'я и сейчас чувствую в носу этот вкус'; *d'ýk'i kózy pop'íd zelén'i lózy* (L) 'дикие козы под зеленые лозы'; *pitpadálo p'it c'u ópčynu* (Hr) 'принадлежало этой общине'; *p'ilnuváty* (J) 'охранять'; *óbid jak'ýj* (Bl) 'обед какой'; *a serb'iw ny buló* (Hr) 'а сербов не было'; *t'ýl'ki ukrajín'c'i idút zbyráty* 'только украинцы идут собирать'; *v Bán'a lý"ki* (Pr) 'в Баня-Луке'; *zvony'lye l'údy | znáješ | z'vin* (L) 'звонили люди, знаешь, колокол'; *a my u c'érkvi* (Pr) 'а мы в церкви'; *vít kukurúzy* (Hr) 'из кукурузы'; *zdáje mi s'i bulý zdorófsi* 'мне кажется, мы были здоровее'; *mi to n'ic ne tréba* (L) 'мне ничего этого не нужно'; *voz'mít* (Hr) 'возьмите'; *móže molodí s'i povérnut* (L) 'может молодые вернуться'; *molodí p'íslý* (Hr) 'молодые уехали'; *voná ni p'íslá do Prn'ávora* 'она не поехала в Прянвор'; *vytájut kóžnij okrémó* (J) 'каждый приветствует отдельно'. Т. Я. Токар утверждает, что основное влияние в сохранении твердости согласных оказывает сербохорватский язык, в котором позиционного смягчения согласных перед *i* не происходит [8]. Категория твердости-мягкости в условиях контактов близкородственных языков, действительно, оказывается подвержена изменениям (ср., например, расширение инвентаря мягких согласных в чешских и польских говорах на территории России под влиянием русского языка [17, с. 463–464]).

2.11. Звук *f* появляется как аллофон фонемы *v* в начале слова: *pryhodyly fčytel'i* (Pr) 'приезжали учителя'; *sus'ídy fs'i prýjduť* (L) 'соседи все придут'; *i ce ja dúmaju fs'o* 'и это я думаю все'; *hto hóče tan'c'úvaty fstajút* 'кто хочет танцевать, встают'; *znájut f'ómu sel'i* (Bl) 'знают в том селе'; *fs'i pol'áky májže znájut ukrajín's'ku* (Hr) 'почти все поляки знают украинский'; *i fs'údy* 'и везде'; *fs'o kúpno* 'все вместе'; *bo f' Sérb'iji ukrajínc'iw ne búlo* (L) 'потому что в Сербии не было украинцев'. В конце слова нам удалось зафиксировать *f* только в одном примере: *hólodyl'nik ne buf* (J) 'холодильник не был'.

Губно-губной *w*, также представляющий собой аллофон фонемы *v*, встречается во всех позициях — в начале слова перед гласными и согласными, в середине и в конце: *buw tútky jedén sv'aščényk* (Hr) 'был тут один священник'; *m'ij táto ht'iw* 'мой папа хотел'; *a tepérkaj to ws'o poumyrálo* 'а теперь это все умерло'; *my wže kážemo krízban* 'мы уже говорим *крízбан* (рождественское дерево)'; *d'ýwna je nov'ýna* 'дивная новость'; *móžeš wz'éty ws'o* 'можешь взять все'; *jak m'ij čolov'ík žuw* 'как мой муж жил'; *ne búlo n'i ukrajínskoji móvy w škól'i* (L) 'не было украинского языка в школе'. Собственно звук *v* встречается в начале слова перед звонкими согласными и в речи одного информанта может конкурировать с *w* в данной позиции: *vže pótím počálo* (L) 'уже потом началось'; *to vže búde holódno* (J) 'это уже будет холодно' (ср. также с распределением этих звуков в украинском говоре пихтинских голендров [17, с. 461]).

Звук *f*, не являясь позиционной разновидностью фонемы *v*, отмечается в начале и середине слова, в том числе в именах собственных и заимствованиях (как старых, присутствующих в исходном диалекте украинцев, так в новых — из языка окружения балканских соседей): *m'ij bát'ko Stefán* (Pr) 'мой отец Стефан'; *m'iznaródnij festival'kólo Dóboju* 'международный фестиваль около Добоя'; *šob zarobyty za familiju* 'чтобы заработать на семью'; *fájnu okrúyly vérobew* 'хорошую круглую сделал'; *zapré s'i šufl'áda* 'закроется ящик'; *w p'jec fájno zapháty poleyón'ku* (Hr) 'в печь хорошо затолкнуть легонько'; *koróva b'izýt za f'iroju* (L) 'корова бежит за повозкой'; *také s'i tráfylo* (L) 'такое произошло'; *fildžan* 'филджан (для кофе)'.

2.12. В обследуемом говоре конечный *r* основы, а также в некоторых примерах в корне слова перед *u* и *a* отвердел: *toj šos' skáže tam* | *γospodáru* (L) 'этот что-то скажет там, хозяину'; *za večéru* (J) 'на ужин'; *de v'iru páru hatív* (L) 'где, я верю, пара домов'; *jéjc'i s'i b'il'se varút* (Hr) 'яйца больше варят'; *ja hovóru* 'я говорю'; *tak po sérpski γovórut* 'так по-сербски говорят'; *tam tak γovóru* 'там я так говорю'; *pa mús'at to sprátuvaty* (L) 'они должны это спрятать'. Параллельно этим формам находим примеры с *r'* (и *r'+j*): *i tak γovór'at* (J) 'и так говорят'; *jak s'i stáne v r'jat* (L) 'так встанут в ряд'; *dúš'i pryhódy^elye večár'aty^e* (Pr) 'души приходили ужинать'. Отверждение *r* фиксируется в поднестровских говорах Львовской и Тернопольской обл. [15, с. 5; 16, с. 152–153].

2.13. Из отвердевших согласных следует еще упомянуть *t* в составе глагольной флексии третьего лица единственного и множественного числа. Напр.: *pótím vyť'ayájut i takó zróbl'at* | *ta jak rost'áγnut sn'ipký* (L) 'потом вытаскивают так сделают, как растянут снопики'; *tam de me c'ikavý^et* 'там, где меня интересует'; *fs'o s'i yúby^et* 'все теряется'; *toj róbet* | *i tam* 'тот делает, и там'; *woný dósta znájut po ukrájins'ki* (Hr) 'они достаточно знают по-украински'; *hlópc'i idút* | *a putómu žen's'ki idút* (J) 'парни идут, а потом женщины идут'; *daléko ónda ródyčy vóz'et i čekájut* | *i woný jdut zas'ivájut* 'далеко родители возят и ждут, и они идут и посевают'; *to s'i sadýt!* (Hr) 'это сажают'; *s'i léšyt* | *to p'idóšva* (Pr) 'останется, это подошва'; *i váryt s'i c'ilyj den* 'и варится целый день'. То же самое фонетическое явление характерно и для украинских говоров Румынии [14, с. 32], поднестровских говоров [16, с. 158]. Отверждение характерно и для форм второго лица множественного числа повелительного наклонения: *voz'mít s'isty* (Hr) 'возьмите [стул] сесть'. Как и для других приведенных случаев, здесь также наблюдаем параллелизм форм с мягким *t*, хотя твердая реализация преобладает¹⁶. Отвердел *t* и в корне числительного *третий*: *tretoγo roku* (L) 'третьего года'; *čy na tréty čy na p'játu γodýnu* (J) 'в три или четыре часа'; *p'išów drúγyγ brat* | *p'išów trétyj* (L) 'пошел второй брат, пошел третий'; *kóžda tréta četvértá háta* (Hr) 'каждый третий-четвертый дом'.

2.14. Согласный *s* перед другим согласным в составе вспомогательных форм для прошедшего времени и сослагательного наклонения может быть как мягким, так и твердым: *najkráše ste poyostý^elye* (Pr) 'лучше всего вы угостили'; *a pérec s čym ste túkly* 'а перец, чем вы молотили'; *fse smo šos's'p'ivály* 'мы все что-то пели'; *my smo bulý u Léšn'i* 'мы были в Лишне'; *jak býs'te zapytály* (Hr) 'если бы вы спросили'; *vže i svóji režyséry mály smo* 'уже у нас и свои режисеры были'; *d'ékuju šo ste i ve prýešle* 'благодарю, что вы пришли'; *tak jak kulýs'i smo rubýly* 'так как когда-то и мы делали'; *ne býs'mo s'i zaγubýly tam* 'мы бы не потерялись там'; *ne moγly s'mo n'ikóγo zdýbaty* (Pr) 'мы не могли никого найти'; *jihaly s'mo u Šamac* 'мы ехали в Шамац'. Хотя твердая реализация *s* присутствует и в исходных говорах (ср. [15, с. 9; 9, карта № 159]), а о мягкой реализации пишет О. Горбач [16, с. 154], преимущественному употреблению форм с твердым *s* может способствовать ситуация и в сербском языке, где в формах *smo* и *ste* согласный *s* твердый.

2.15. Взрывной *g* помимо перехода *d' > g'* перед *i* встречается и в других случаях. Прежде всего речь идет о позиционных изменениях конечного *k* слова или основы перед звонкими: *za veléγdyn'* (Hr) 'на Пасху'; *tepér jag by ty prýšla* (L) 'теперь, если бы ты пришла'; *pa jag by bulá tper nýv'istka* 'если бы была теперь невестка'. Этот звук находим в именах собственных и географических названиях, заимствованных из сербского языка: *Gén'o nebóščyk* 'Генё покойный'; *pa na Gájovi š'izdes'át v'is'im hat*

¹⁶ Мягкий *t*, в частности, присутствует в речи тех информантов, кто знаком с литературной нормой.

‘и в Гаеве шестьдесят восемь домов’; *fčýtel'i z Jugosláv'iji c'ilóji* (Pr) ‘учителя из целой Югославии’; *žyvěte tam u Beógrad'i* ‘живете там в Белграде’. Кроме того *g* отмечен и в адаптированных заимствованиях, как иноязычных, пришедших из сербского языка, так в собственно сербских: *ágitovaty náših hlópc'iw* (L) ‘агитировать наших парней’; *tak sámó je v'itpráva alé na angl'ísk'ij móv'i* ‘тоже служба, но на английском языке’; *zak'inčýly gimnáziju* (Pr) ‘закончили гимназию’; *móji l'ipše gramátiku znájut v'id méne* (J) ‘мои лучше грамматику знают, чем я’; *ja tu litúrgiju mála u wúhah* (Pr) ‘у меня эта литургия была в ушах’; *v'it tyh | e | gl'ív'iv*¹⁷ (J) ‘от этих, э, грибов’; *teh grickaliciw*¹⁸ *nary'htuvály* ‘эти закуски приготовили’, *búlo to u tih zádrugah*¹⁹ (Pr) ‘было это в этих за-другах’. Приведенные интернационализмы присутствуют и в украинском языке, однако на их функционирование несомненно оказывает влияние доминирующий в официальной коммуникации сербохорватский язык. Еще одну группу составляют лексемы, распространенные на исходной территории миграции украинцев: *ce švágry bulý fs'i* ‘это зятья были все’ (отмечено в словаре [16, с. 191]); *kazály gas* (L) (отмечено в словаре [15, с. 39]) ‘говорили газ’; *to malý'my' grál'imy kydály* (отмечено в словаре [15, с. 40]) ‘эти маленькими вилами кидали’; *óko γ'il'ág'iw*²⁰ (Hr) ‘около веток’; *i na lopátu s'i p'itsý'ple gres* (J) (отмечено в словаре [15, с. 40]) ‘и на лопату подсыпят отруби’; *postávl'at takú γ'il'águ* ‘поставят такую ветку’; *na gánok výženut* (Hr) ‘на крыльцо выгонят’ (отмечено в словаре [16, с. 157]). Большинство этих лексем являются заимствованиями из немецкого языка, а две из них — *griz, gas* — присутствуют также в сербохорватском языке, и, соответственно, могут оказывать поддерживающее влияние.

2.16. К характерным фонетическим явлениям говоров исходной зоны миграции в области консонантизма следует отнести выпадение интервокального *j* в окончании слов женского рода склонения на *-a* в творительном падеже единственного числа: *-oju > -ou > -ow*: *péret drúyow s'v'ituvów v'ijnów* (Hr) ‘перед Второй мировой войной’; *z yréčow pyrogy* (L) ‘с гречкой вареники’; *pol'ivály's tow vodóju* (J) ‘поливались той водой’; *solómow nakrýtyh* (L) ‘соломой накрытых’; *buly kuský hl'iba s kobáskow | abó kuský hl'iba s solonýnow* (Pr) ‘были куски хлеба с колбаской, или куски хлеба с салом’; *pojul'áje s korovajóm i z | r'ískow* ‘потанцует с караваем и со свадебным деревцем’; *vy'ly'ka my'ska s pšený'čkow* ‘большая миска с пшеницей’. Ср. подобное фонетическое явление также в говоре украинцев Румынии [14, с. 35].

2.17. В целом для говора характерно оглушение конечных звонких согласных перед паузой или перед глухими: *káže drúhyj ras | ili búdu ja sámá ili ty buděš* (L) ‘говорит, в другой раз или буду я сама, или ты будешь’; *v'it staróyo* ‘от старого’; *m'iš sobóju* (Hr) ‘между собой’. Однако есть случаи и отсутствия оглушения: *jak kolýs' nazád | s'im rók'iw* (J) ‘как когда-то семь лет назад’. Оглушаются звонкие согласные в поднепровских говорах [15, с. 5–6] и в карпатских [14, с. 36–37]. Косвенно на отсутствие оглушения может оказывать влияние сербский язык, особенно в идентичных лексемах (как в приведенном последнем примере, серб-хорв. *nazad*).

2.18. Сдвоенные согласные в обследуемом говоре представлены только на стыке приставки и корня (напр. *nemá kómu s'i v'iddaváty* — ‘нет за кого выйти замуж’ (L), в других случаях сдвоенных согласных не наблюдается (как в словах: *життя, білення*):

¹⁷ *gljiva* (серб-хорв.) — гриб.

¹⁸ *grickalica* (серб-хорв.) — снек, закуска.

¹⁹ *zadruga* (серб-хорв.) — кооператив, товарищество.

²⁰ Формы с формантом *-ug-* в слове *gad'uga* отмечены в Лачараке, на территории Галичины они распространены в Прикарпатье [9, карта № 151].

zo s'm'it'ém ‘с мусором’ (Pr); *mály fse jak 'is'' pretstavl'in'a* (Hr) ‘были все какие-то представления’; *pryjmáv do sébe na span'á* (L) ‘принимал к себе на ночлег’; *šcytký do b'ilen'a háty* ‘щетки для побелки дома’; *zd'ibn'i du fs'óyo | i do vóran'a | i do zróblen'a plúyu* (Hr) ‘способные ко всему, и пахать, и сделать плуг’; *žyt'á | e tutéjšyh* ‘жизнь, э, местных’; *to ne búlo wzut'á* (L) ‘не было обуви’; *tam šmát'a zoly'lye* ‘там белье стирали золой’; *ja še náčen'a ne pomýla* ‘я еще посуду не помыла’; *buló ves'il'a* ‘была свадьба’; *te z'il'a tu tam palý'la* ‘эти травы она тут и там жгла’. То же самое фонетическое явление отмечено в селах с украинским населением в Хорватии и Сербии [9, карта № 94].

Ударение

3.1. В области акцентуации слов наблюдаются значительные колебания даже в пределах одного нарратива. Приведем некоторые примеры: *šče jak ja bulá malóju* (Pr) ‘еще когда я была молодой’; *továrystvo u Prn'avor'i búlo díže aktívno* (L) ‘[культурное] общество в Прняворе было очень активное’; *móva s'i b'il'se zatrýmala w sélah seláh* (Hr)²¹ ‘язык больше сохранился в селах’; *dva róky nazád búlo tu* ‘два года назад было тут’; *napévno šos' buló* ‘наверняка что-то было’; *takož buw na ģorvačánah* ‘тоже был в Хрвачанах’; *na horváčan'i* ‘в Хрвачанах’; *bo na doróhu ídu* (J) ‘потому что я уезжаю’; *a d'ity ráňkom idút* ‘а дети утром идут’; *postáve v'inočky* ‘поставят веночки’; *vynký róbjat* ‘венки делают’; *bağáto toğó* ‘много того’; *záráz nemá tóyo* ‘сейчас нет этого’. Характерный оттенок украинской речи собеседников придает перенос ударения на последний слог у существительных всех трех родов во множественном числе²²: *bošn'akýe | serby'e abo serbany'e* (Pr) ‘бошняки, сербы или сербаны’; *ğárno vérobew hrestyký | hustočky* (L) ‘красиво сделал крестики, платочки’; *pustávet u bretvankýe* (Pr) ‘положат в форму для выпекания’; *zrób'jat pampušky* ‘сделают пампушки’; *domášn'i knyšký* ‘домашние книги’; *ti d'iwky i drušký* ‘эти девушки и дружки’; *u velykyh myskáh* ‘в больших мисках’; *šo máje zerená | znážete | ti čórn'i zerená* (Hr) ‘у которого зерна, знаете, эти черные зерна’. Отмечен нами подобный перенос и в единственном числе в именительном, винительном, родительном, творительном и местном падежах существительных мужского и среднего рода: *na cej pam'jatnýk* (L) ‘на этот памятник’; *jakščó vys'il'á* ‘если свадьба’; *kolý ves'il'é to kuruváj* ‘когда свадьба — то каравай’; *v'in z v'is'il'ém fs'údy idé* ‘он со свадьбой везде идет’; *bez r'isky i korovajú ne búlo vis'il'a* ‘без ризки (свадебное деревце) и каравая не было свадьбы’; *kavál'čyk tóyo korovajá* ‘кусочек этого каравая’; *s tym korovajóm družba máje pereğul'uvaty* ‘с этим караваем дружба должен танцевать’; *f sam'im počatku* (Hr) ‘в самом начале’. Кроме того глагольное окончание третьего лица мн.ч. *-ut* часто перетягивает на себя ударение, однако возможны также и формы без переноса ударения на последний слог²³: *to tak vesesajút* (J) ‘то так высасывают’; *p'is'l'a tóyo še častujút* (Pr) ‘после этого еще угощают’; *malén'k'i ny s'm'ijút* (Hr) ‘маленькие не могут’; *vony navarút* (L) ‘они наварят’; *wže pryjdút s'v'áta* ‘уже придут праздники’. Довольно часто фиксируются колебания в именах собственных, когда ударение переносится на первый слог: *to Petrá i Pavlá | cérkva náša nósyt im'já s'v'atóyo Pétra i Pávla* (L) ‘это Петра и Пав-

²¹ Заметна автокоррекция.

²² О. Горбач пишет, что в говоре с. Романив Львовской области распространен перенос ударения на последний слог у существительных женского рода, состоящих из более чем двух слогов: *молитвИ, долиниИ, прогалиниИ* (сохранено написание оригинала) [15, с. 6]. Кроме того, характерным является акцентуация последнего слога в местном падеже у существительных мужского и женского родов (*при татУ, братУ, по смертИ*).

²³ П. Гриценко, в частности, отмечает, что в поднепровских диалектах возможно двоякая постановка ударения в глаголах: *піду — підú, підемо — підéмо* [18, с. 388].

ла, наша церковь носит имя святого Петра и Павла'; *buv den' Tarasá Ševčénka* (J) 'был день Тараса Шевченко'; *tam žyw Táras Ševčénko* 'там жил Тарас Шевченко'. В местных топонимах также заметен перенос ударения на первый слог: *Kámenica; Kameníca* (L). В переносе ударения на первый слог мы могли бы усмотреть влияние новоштокавской акцентуации сербохорватского языка (ср. серб. *Taras, Pemap*). Когда отсутствует перенос ударения на последний слог, также вполне возможно предположить поддерживающие влияние новоштокавской акцентуации, особенно в случае с идентичной в обоих языках лексемой, напр. *vojna: idút na vójnu* (Hr) 'идут на войну'; *jak pryšló do vójny* (L) 'как началась война'.

4.1. Из фонетических изменений в составе отдельных лексем отметим следующие. Происходит метатеза начальных слогов в глаголе *γov/worýty — woγorýty*, в том числе в приставочных глаголах: *ws'o s'i móže dowoγorýty* (L) 'обо всем можно договориться'; *wže ws'i dowoγórut ves'il'á* 'уже договорятся о свадьбе'; *ja woγóru* 'я говорю'; *stálno woγorýw svojím serbám* (Hr) 'постоянно говорил своим сербам'; *woný po-ukrájins'ki woγorýly* 'они по-украински говорили'; *táko jak my woγóruto* 'так как мы говорим'. У Т. Я. Токар также отмечен этот глагол в речи украинцев Боснии в следующей записи: *wo'go'pilis'mo* [8]. Обратим внимание еще на случай, когда на месте *ьr* возникло сочетание *yr/er* в слове *kurnýc'a/kernyc'a* (Hr) 'колодец' (ср. в Лачараке то же [9, карта №71]). Кроме того, начальное *i* преобразовалось в *ji* в слове *jinakšyj: sáma slúžba jinákša* (L) 'сама служба другая'.

5.1. В качестве иллюстрации фонетических процессов в живой речи информантов, приведем несколько нарративов. В текстах отчетливо видны такие дискурсивные практики информантов, как, например, переключение кода²⁴.

[1] *Ukrájins'ki v'is''íl'a bulý dúže vy'elý'čni | ja pam'jatáju za p'jat' šis''t'' n'e b'íl'se | ále | e | bez r'isky i korovajú ne búlo vis''íl'a | ja | tepér ne móžu nayadáty | jak | šlo | kotrým por'játkom | znáju šč'o si r'iska plelá u molodóji | ščo | e | fs'u | dúže γárnu | c'v'ítamy | r'iska to dérevo šo máje bayáto roščóh'iw | značyt' p'jat' | k'íl'ko roščóh'iw | to ws'o s'i | e | obmótuvalo c'v'ítamy | béndamy mášnamy | i na-na | γor'í búlo jábluko | na tim | a w dolýn'i buló | takýj ta jak kólečok zatésanyj | bo to | išló na | korováj | korováj s'i p'ik ščo b'íl'syj to veléčn'iščyj | značyt' korováj | to | e | koláč | hl'ib | bes kotróγo ne búlo vis'íl'a | i pótím | kólo | z nym drúzba γul'áw | vonó buló pered molod'átamy | ne búlo tórtý ne búlo kolačýw | i pótím wže jak perejdé večéra | jak wže čas za-za | za s''p'ívy za γul'- za tán'c''i | todý najbórše | drúzba | *đever* | poγul'áje s korovajóm i s || r'iskow | a tudý s'i | r'iska beré zv'ítam | a korováj s'i r'íže káždomu | d'íl'at po kavál'čyk | i darúje s'i molodá | *ódnosno* molod'áta | na | táčna búla nakréta ščóby ne výed'ily | bo to búlo dúže skromnén'ko | ále | fs'i jšly daruváty molodú | mús'ily vépe'ty° abó škl'ánku γor'ilky abó škl'ánku vyná | sóku ne búlo tudý | i d'istály kavál'čyk | korovajú | a na k'incé | p'idóšva | korováj s'i r'ízaw | po | γrúbo | tak šo z dolénye s'i léšy°t | to p'idóšva | *to prepadála* | tómu | e | drúzbove | to buló veléčne šo s' *dobio đon* od korováj | *da i onda kad se išlo darivati uvijek su đeveruše i još neki pomagačice pjevale | pjesme koje se zvale vývoda | prvo su išli | ja sam opet prešla na srpski | prvo su išli roditelji | od mladoženje pa onda od mlade | i pjevalo se | prigodna pjesna* (Pr).*

Украинские свадьбы были очень величественными, я помню пять-шесть, не больше, но без деревца и каравая не было свадьбы, я и теперь могу вспомнить, как шли, в каком порядке, знаю, что оплетали деревце у молодой, все, очень красивое, цве-

²⁴ Курсивом выделены элементы сербохорватского языка.

тами, это дерево у которого много ответвлений, значит пять, сколько ответвлений, это все обматывали цветами, лентами, и наверху было яблоко, на этом, а внизу было, краешек обтесанный, потому что это ставили на каравай, каравай пекли чем больше, тем величественнее, значит, каравай это хлеб, без которого не было свадьбы, и потом, танец (коло), с ним дружба танцевал, был перед молодыми, не было торта, не было пирожных, а потом уже как закончится ужин, уже время для песен, для танцев, тогда дружба, шафер, танцует с караваем и с деревцем, и тогда деревце забирают оттуда, а каравай режут каждому, делят по куску, и дарят подарки молодой, т.е. молодым, на накрытом подносе, чтобы не видели, потому что это было очень скромно, но все шли дарить подарки молодой, и должны были выпить или стакан водки или вина, сока не было, и получали кусочек каравая, а в конце — подошва, каравай резали, толсто, так что внизу оставалась подошва, она доставалась дружбе, это было величественно, что ты получил подошву каравая, да, и тогда, когда шли дарить подарки, дружки и некоторые помощницы пели песни, которые назывались вывода, начала шли, я опять перешла на сербский, сначала шли родители жениха и затем невесты, и пели, подходящую песню.

[2] P. Bo ja sam ħul'úw | par rók'iw ħul'úw jak sam buw hlópec | dúže k'ěško | velýkyj! | to velýkyj korováj | o takýjwo! [показывает] <...> je r'íska w ħor'í | trymáješ r'ísku | znáješ šo r'íska? | da | i dúže k'ěško | al bába to stálno | máma mója pékla to | ve^alýkyj korováj | tóto k'ěško ħul'áty | alé n'íkóly sam ne zħubéw | stálno sam ostów | óvaj | jak drúška ħul'ála | óvaj.

B. Znájete šo | šo ja jích s'i napékla | i v Gájevu | i u Prn'ávorí | i v Dyvjétenu | i tútkawo pu sel'í | čos'ny | ny májut l'údy | e | toj | wže s'i spustýly na méne | ja vže tepér i ne móžu || [смех] alé ópet ž'ínky prýjdut pomóžut | nuy'ístka pomóže (Hr).

П. Потому что я сам танцевал, пару лет танцевал, когда был холостым, очень тяжело, большой! Это большой каравай, вот такой! Деревце наверху, ты держишь деревце, знаешь, что это? Да, и очень тяжело, но бабушка постоянно, мама моя пекла, большой каравай, это тяжело танцевать, но я никогда не потерял, я постоянно остался, это, так дружка танцевала, это самое.

Б. Знаете что? Что я их напекла, и в Гаеву, и в Прняворе, и в Деветине, и здесь вот по селу, что-то нет у людей, все спустили на меня, я уже теперь и не могу [смех], но опять женщины придут, помогут, невестка поможет.

[3] O. Na zeléni s'v'áta | na dúhove | kolý s'i | v'jážut | to | uný s'i tudý spál'ut | kolý hmára | i také.

M. Vynése s'i na dv'ir | da toj dym | porozyan'ě.

O. Abó zv'in | cerkóvn'i zvóne šob | rozbéte.

B. I tak táko m'ij to znaw | tróha rozčan'éty hmáry | e | mólyw s'i | v'in s'i mólyw i hodýw pu dvur'í | i tak | ne búlo | ħrad'íw tak | ne búlo | ne búlo | a mulýtva fs'o pumóže | znájete | e-e | hto v'ír'je u bóya | i póstet i to ws'o | i to | boħ prýjmaje znájete | i tak šo | ny búlo tyl'ko ni ħrádiw ni n'íc | i tak | bóyu d'ékuvaty évo i kólo nas nemá ħrad'íw | nemá! | fs'úda! | to tam to tam | alé | bóyu d'ékuvaty u nas nemá ħrad'íw! | te jak | wonó znáje vébete znájete | nemá n'i kukurúzy | ni ħoródyny | n'ičógo | a | bóyu d'ékuvaty! (Hr).

O. На Троицу, Троицу, когда свяжут это, они тогда сожгут, когда туча и такое.

M. Вынесут на двор, чтобы этот дым разогнал.

O. Или колокол церковный звонит, чтобы разбить.

Б. И так мой [муж] это знал немного разогнать тучи, э, молитвы, он молился и ходил по двору, и так не было града, так не было, не было, а молитва всему помогает, знаете, э-э, кто верит в Бога, и постится и все это, Бог принимает, знаете, и как что не было столько града! Ничего, и так, слава Богу и у нас нет града, нет! Везде! То там,

то там, но слава Богу у нас нет града! Оно может выбить, знаете, нет ни кукурузы, ни овощей, ничего, а слава Богу!

[4] I majúť vynuórád | a je i tepér šo | pryšlý | jak to vojná kólo nas tepér búla u Bósni | to dósta i pryšló z Dalmác'iji | póred *Jadránu* | i prynésly tu kultúru | uná | vynuóráda | i roby tu taj [фамилия] | i tyh še je | try štéry | zakupyly zeml'ú i zasadýly vynuórád | a i | ku- kupujúť vynuórád z Makedóniji | i rob'ját vynó | táko | *tak da začéla s'i vynó* | vynó i | l'ípše *nek pývo* (J).

И у них есть виноград, а теперь что, приехали, как это война у нас теперь была в Боснии, много приехали из Далмации, рядом с Адриатикой, и принесли эту культуру, винограда, и делает этот [фамилия], и этих еще, три-четыре, купили землю и посадили виноград, и покупают виноград из Македонии и делают вино, так, так что началось вино, вино лучше, чем пиво.

[5] Pétra tu s''i s''v'atkúje v L'éšn'i | to-o Petrá i Pavlá | cérkva náša nósyť im'já s''v'atóyo Pétra i Pávla | i tudý tu práznyk | táko šo pryhód'at z drúgy'h | paróf'ijuw | *filijáliv* s''udá | a v tyh l'uděj jak je toj práznyk | tudy idé s''i zv'ícy tudá i tak <...> šo róbymo? ýós''t''i dučýkujemo | a músymo zrobýty do Pétra | fs''o por'ihťuváty | pečémo | poros''á | e-e | *jayn'á* | syn kupúje | spečému | nýv'ístka naróbyť kolačýw | r'íz''nyh | *baš právo* | róbymo dósyť | bo tudý pakúje s''i | dékomu v'it tyh ýóstej šo prýjšly | i tak fs''o to s''i pryr'ihťuje takóš | za samýj toj den' | *súpa* | *sárma* | i peče- *pečénica* | kolačý | i *to je to* (L).

Петра празднуют в Лишне, Петра и Павла, наша церковь носит имя святого Петра и Павла, и тогда тут праздник, так что приезжают из других приходов, филиалов, сюда, а у тех людей, если этот праздник, тогда идут отсюда туда и так <...> что мы делаем? Встречаем гостей, а мы должны сделать до Петра, все приготовить, печем, поросенка, э-э, ягненка, сын покупает, запечем, невестка наделает пирожных, разных, как раз, делаем достаточно, потому что тогда упаковывают кому-то из этих гостей, которые приехали, и так все приготовят также, на тот день, суп, голубцы, жаркое, пирожные, и это все.

6.1. Особенностью рассмотренной контактной ситуации является то, что украинские говоры и говоры сербохорватского языка — родственные, хотя и принадлежат к разным группам. Это приводит к тому, что многие явления сближаются, происходит некоторое выравнивание, особенно в ситуации функционального доминирования сербохорватского языка (ср. напр. ситуацию лемковско-польского билингвизма [19] или словенского-сербского у сербов в Белой Краине [20]).

В статье были систематизированы наиболее характерные фонетические явления украинской речи в Боснии и Герцеговине. В качестве основы рассматриваемого говора выступает поднестрировский диалект юго-западного наречия украинского языка. Обследуемые говоры неоднородны, в речи носителей могут конкурировать несколько фонетических явлений. Вместе с тем проживание уже более чем в течение ста лет вместе с носителями сербохорватских диалектов способствовало консервации и поддержанию определенных фонетических явлений: отсутствие смягчения согласных перед *i*, замена *γ* на *h*, сохранение твердого произношения в суффиксах *-ec*, *-sk-*, *-ck-* и у вспомогательных глаголов в прошедшем времени и сослагательном наклонении, а также отсутствие оглушения конечных звонких согласных. Кроме того, благодаря заимствованиям из сербохорватского языка расширяется употребление звуков *f*, *g*. Конечно, многие эти явления присутствуют и в исходной зоне переселения, но не учитывать фактор контактного взаимодействия при их рассмотрении было бы неправомерным, поскольку би-

лингвизм сейчас распространен повсеместно, а функционирование украинского языка ограничено бытовой и отчасти культурной сферами.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- 1 *Ліський Б.* Українці у Боснії і Герцеговині // Альманах видавництва «Гомін України». 1998. Ч. 84. С. 149–169.
- 2 *Румянцев О.* Галичина-Боснія-Воеводина: Українські переселенці з Галичини на території югославських народів в 1890–1990 роках. Київ: ФАДА, 2008. 256 с.
- 3 *Мизь Р.* Матеріали до історії Українців у Боснії. Новий Сад: Руске слово, 2004–2008. Т. 1–5. 259 с.
- 4 *Мишлицки Т.* Українська насеља у јужном Поткозарју. Бања Лука: Географско друштво Републике Српске, 2008. 162 с.
- 5 *Мишлицки Т.* Трнопоље — насеље са українским становништвом код Приједора // Демографија. 2008. Књ. V. С. 129–140.
- 6 *Медар-Тањага И., Т. Мишлицки.* Антропогеографско и етнолошко проучавање українског насеља Деветина // Међународни научни скуп «Србија и Република Српска у регионалним и глобалним процесима». Требиње, 2007. С. 511–518.
- 7 *Boychuk V.* Vivady — wedding songs of Ukrainians from Bosnia. Edmonton (Alberta): University of Alberta, 1997. 470 p.
- 8 *Токар Т. Я.* Українська мова в Сербії, Боснії і Герцеговині, Хорватії // *Українська мова. Енциклопедія* / ред. В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк. Київ: Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана, 2004. С. 731.
- 9 Атлас української мови. Том другий. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі / ред. Я. В. Закревська. Київ: Наукова думка, 1988. 521 с.
- 10 *Vasilijević D.* The current state and prospects of Ukrainian as a heritage language in elementary schools of Republika Srpska // *Minority languages in education and language learning: challenges and new perspectives* / eds. J. Filipović, J. Vučo. Belgrade: Faculty of philology at the university, 2017. P. 163–182.
- 11 *Пилипенко Г. П.* Украинский остров в Боснии и Герцеговине: полевое исследование языка и культуры // Лицеум. 2016. XXII (17). С. 89–98.
- 12 *Пилипенко Г. П.* Свадебные обряды у украинцев Боснии и Герцеговины // *Живая старина*. 2017. № 4. С. 29–32.
- 13 *Кречмер А. Г., Невекловский Г.* Сербохорватский язык // *Языки мира. Славянские языки*. Спб: Нестор-История, 2017. С. 151–212.
- 14 *Павлюк М., Робчук І.* Українські говірки Румунії. Діалектні тексти. Едмонтон-Львів-Нью-Йорк-Торонто: Інститут українознавства ім. І. Креп'якевича НАН України, 2003. 784 с.
- 15 *Горбач О.* Північно-наддністрянська говірка й діалектний словник с. Романів Львівської області. Відбитка з «Наукових Записок» Українського Технічно-Господарського Інституту в Мюнхені. Мюнхен: Український Технічно-Господарський Інститут в Мюнхені, 1965. Т. VIII (X). 103 с.
- 16 *Горбач О.* Говірки й словник діалектної лексики Теробовельщини. Відбитки з «Наукових Записок» Українського Технічно-Господарського Інституту. Мюнхен: Изд-во Українського Технічно-Господарського Інституту в Мюнхені, 1971. Т. XIX (1969). С. 147–182. Т. XX (1971). С. 148–94.
- 17 *Скорвид С. С.* К типологии инославянских переселенческих говоров в России // *Slověne*. 2017. Т. 6. № 1. С. 449–484.

- 18 *Грищенко П. Ю.* Наддністрянський говір // Українська мова. Енциклопедія / ред. В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк. Київ: Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана, 2004. С. 387–388.
- 19 *Алексеева М. М.* Особенности адаптации лексических заимствований из близкородственных языков (на примере полонизмов в лемковских говорах украинского языка) // Известия Российского Государственного Педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 85. С. 168–174.
- 20 *Petrović T.* Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika. Beograd: Balkanološki institut SANU, Založba ZRC SAZU, 2009. 229 s.

© 2019. Gleb P. Pilipenko
Moscow, Russia

PHONETIC DESCRIPTION OF THE UKRAINIAN DIALECT IN BOSNIA AND HERZEGOVINA

Acknowledgements: The article is written with support of the project “Language and culture in polyethnic and polyconfessional communities of South-Eastern Europe: interdisciplinary research” (Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences), included in the program of fundamental research 2018-2020 of the Presidium of the Russian Academy of Sciences “Cultural complex societies: understanding and management”.

Abstract: The paper deals with the peculiarities of vocalism, consonantism and some elements of accentuation of the Ukrainian dialect spoken in Bosnia and Herzegovina. The Ukrainian language functions mainly in the fields of family and religion, while the Serbo-Croatian language is used for communication outside the community. The material for the analysis was gathered during three field researches in the settlements of Ukrainians. A field study was conducted in Banja Luka, Prnjavor, Jablan, Trnopolje, Potočani, Hrvacani and Lišnja. The author focuses on systematization of the main phonetic characteristics of the Ukrainian speech. The analyzed phonetic features in the vowel, consonant systems as well as in the prosodic phenomena attest to the belonging of this dialect to the Upper Dniestrian dialect of southwestern group of the Ukrainian language. The Ukrainians arrived in these areas from different dialect zones, which resulted in the contact of different dialects in new conditions. The development of certain features, in addition to the intra-language trends, also allows suggesting the influence of the dominant Serbo-Croatian language. The paper compares data collected during the field study with the description of Ukrainian dialects and materials of the Atlas of the Ukrainian language. The Appendix introduces the first publication of dialect texts that displaying main phonetic features of the language of Ukrainians living in Bosnia and Herzegovina.

Keywords: Ukrainian language, vocalism, consonantism, accentuation, language contacts, Serbo-Croatian language, Bosnia and Herzegovina, field research.

Information about the author: Gleb P. Pilipenko — PhD in Philology, Senior Researcher, The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky ave, 32 A, “B” build., 119991 Moscow, Russian. E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Received: July 10, 2018

Date of publication: June 28, 2019

For citation: Pilipenko G. P. Phonetic description of the Ukrainian dialect spoken in Bosnia and Herzegovina. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 52, pp. 199–217. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Lis'kii B. Ukraïntsi u Bosnii i Gertsegovini [Ukrainians in Bosnia and Herzegovina]. *Al'manakh vidavnistva "Gomin Ukraïni"*, 1998, part 84, pp. 149–169. (In Ukrainian)
- 2 Rumiantsev O. *Galichina-Bosniia-Voevodina: Ukraïns'ki pereselentsi z Galichini na teritorii iugoslavs'kikh narodiv v 1890–1990 rokakh* [Galicia-Bosnia-Vojvodina: Ukrainian settlers from Galicia on the territory of the Yugoslavian peoples in 1890–1990]. Kiïv, FADA Publ., 2008. 256 p. (In Ukrainian)
- 3 Miz' R. *Materiali do istorii Ukraïntsiu u Bosnii* [Materials to the history of Ukrainians in Bosnia]. Novii Sad, Ruske slovo Publ., 2004–2008. Vol. 1–5. 259 p. (In Ukrainian)
- 4 Mishlitski T. *Ukrajinska naseља u juzhnom Potkozarju* [Ukrainska NACE Mina in winam Potkozarje]. Вања Лука, Geografsko drushtvo Republike Srpske Publ., 2008. 162 p. (In Ukrainian)
- 5 Mishlitski T. Трнороље — насеље са украјинским становништвом код Приједора [Trnopolje-Ukrainian village with a population of Prijedor]. *Demografija*, 2008, book V, pp. 129–140. (In Serbian)
- 6 Medar-Taњга I., T. Mishlitski. Antropogeografsko i etnolosko prouchavaње украјинског насеља Devetina [Anthropogeographical and ethnological study of the Ukrainian settlement Devalina]. *Meђunarodni nauchni skup "Srbija i Republika Srpska u regionalnim i globalnim protsesima"* [International scientific set "Serbia and Republic of Srpska in regional and global processes"]. Требиње, 2007, pp. 511–518. (In Serbian)
- 7 Boychuk V. *Vivady — wedding songs of Ukrainians from Bosnia*. Edmonton (Alberta), University of Alberta Publ., 1997. 470 p. (In Russian)
- 8 Tokar T. Ia. Ukraïns'ka mova v Serbii, Bosnii i Gertsegovini, Khorvatii [Russian language in Serbia, Bosnia and Herzegovina, Croatia]. *Ukraïns'ka mova. Entsiklopediia* [Russian language. Encyclopedia], edited by V. M. Rusaniv'skii, O. O. Taranenko, M. P. Ziabliuk. Kiïv, Ukraïns'ka entsiklopediia im. M. P. Bazhana Publ., 2004, p. 731. (In Ukrainian)
- 9 *Atlas Ukraïns'koï movi. Tom drugii. Volin', Naddnistrianshchina, Zakarpattia i sumizhni zemli* [Atlas of the Ukrainian language. Volume two. Volyn, Transnistria, Transcarpathia and adjacent lands], edited by Ia. V. Zakrev's'ka. Kiïv, Naukova dumka Publ., 1988. 521 p. (In Ukrainian)
- 10 Vasiljević D. The current state and prospects of Ukrainian as a heritage language in elementary schools of Republika Srpska. *Minority languages in education and language learning: challenges and new perspectives*, edited by J. Filipović, J. Vučo. Belgrade, Faculty of philology at the university Publ., 2017, pp. 163–182. (In English)
- 11 Pilipenko G. P. Ukraïnskii ostrov v Bosnii i Gertsegovine: polevoe issledovanie iazyka i kul'tury [Ukrainian island in Bosnia and Herzegovina: field study of language and culture]. *Litseum*, 2016, XXII (17), pp. 89–98. (In Russian)
- 12 Pilipenko G. P. Svadebnye obriady u ukraintsev Bosnii i Gertsegoviny [Wedding ceremonies of Ukrainians in Bosnia and Herzegovina]. *Zhivaia starina*, 2017, no 4, pp. 29–32. (In Russian)

- 13 Krechmer A. G., Neveklovskii G. Serbokhorvatskii iazyk [Serbo-Croatian language]. *Iazyki mira. Slavianskie iazyki* [Languages of the world. Slavic language]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, pp. 151–212. (In Russian)
- 14 Pavliuk M., Robchuk I. *Ukraïns'ki govirki Rumunii. Diialektni teksti* [Ukrainian dialects in Romania. Dialect lyrics]. Edmonton-L'viv-N'iu-Iork-Toronto, Institut Ukraïnoznavstva im. I. Krep'ia-kevicha NAN Ukraïni Publ., 2003. 784 p. (In Ukrainian)
- 15 Gorbach O. *Pivnichno-naddnistrians'ka govirka i diialektnii slovník s. Romaniv L'vivs'koï oblasti. Vidbitka z "Naukovikh Zapisok" Ukraïns'kogo Tekhnichno-Gospodars'kogo Institutu v Miunkheni* [North naddnistrians'ka dialect and dialect dictionary in the S. Romanov of the Lviv region. Print from the "Scientific Notes" of the Ukrainian Technical Economic Institute in Munich]. Miunkhen, Ukraïns'kii Tekhnichno-Gospodars'kii Institut v Miunkheni Publ., 1965. Vol. VIII (X). 103 p. (In Ukrainian)
- 16 Gorbach O. *Govirki i slovník diialektnoi leksiki Terebovel'shchiny. Vidbitki z "Naukovikh Zapisok" Ukraïns'kogo Tekhnichno-Gospodars'kogo Institutu* [The dialect dictionary of Cerabolini. Prints from "Scientific Notes" of Ukrainian Technical Economic Institute]. Miunkhen, Izdatel'stvo Ukraïns'kogo Tekhnichno-Gospodars'kii Institutu v Miunkheni Publ., 1971, vol. XIX (1969), pp. 147–182; vol. XX (1971), pp. 148–94. (In Ukrainian)
- 17 Skorvid S. S. K tipologii inoslavianskikh pereselencheskikh govorov v Rossii [To the typology of non-Slavic resettlement dialects in Russia]. *Slověne*, 2017, vol. 6, no 1, pp. 449–484. (In Russian)
- 18 Gritsenko P. Iu. Naddnistrians'kii govir [Supra-Dniester dialect]. *Ukraïns'ka mova. Entsiklopediia* [Ukrainian language. Encyclopedia], edited by V. M. Rusaniv'skii, O. O. Taranenko, M. P. Ziabliuk. Kiïv, Ukraïns'ka entsiklopediia im. M. P. Bazhana Publ., 2004, pp. 387–388. (In Ukrainian)
- 19 Alekseeva M. M. Osobennosti adaptatsii leksicheskikh zaimstvovaniï iz blizkorodstvennykh iazykov (na primere polonizmov v lemkovskikh govorakh ukrainskogo iazyka) [Features of adaptation of lexical borrowings from closely related languages (based on the example of polonisms in Lemko dialects of the Ukrainian language)]. *Izvestiia Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2008, no 85, pp. 168–174. (In Russian)
- 20 Petrović T. *Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika* [Serbs in White Krajina. Language ideology in the process of language change]. Beograd, Balkanološki institut SANU, Založba ZRC SAZU Publ., 2009. 229 p. (In Croatian)